

В русской речи среди потока заимствованных слов, который В.Г. Костомаров метко окрестил «иноязычным потоком» [3], в последние годы можно встретить и украинские слова. Они занимают одно из самых скромных мест. Активно употребляются в русской речи не только в Украине, но и в России всего несколько слов: *мова*, *Майдан*, *помаранчевый*, *самостийность*, *незалежність*. Большинство из них имеют русские соответствия: *язык*, *оранжевый*, *самостоятельность*, *независимость*. Крайне любопытно разобраться в функциональной специфике их употребления в русской речи. Понятно, что говорить о полноценных заимствованиях из украинского здесь, наверное, некорректно, так как названные слова функционируют в крайне специфических политических контекстах и не отражены в словарях актуальной лексики (см., например, Толковый словарь русского языка начала XIX века под редакцией Г.Н. Складневской или Толковый словарь иноязычных слов Л.П. Крысина).

Следует заметить, что англоязычные заимствования имеют целый ряд прагматических функций, связанных с особенностями речевого позиционирования адресанта. Исследователи отмечают [2; 3] стремление говорящего при помощи англоязычного слова повысить свой статус: предстать более образованным, под-

черкнуть свою принадлежность к демократическим парламентским ценностям. Украинские слова в русском этнокультурном пространстве репрезентируют совершенно другую речевую стратегию говорящего.

Начнем с анализа следующих контекстов, в которых представлено слово *мова*: на сайте «Единая Русь» в Интернете находим слово *мова* в названиях *Рецедивисты от мовы*, *Мова и язык*, *Г. Петровский – «любой друг» мовы*, *Является ли мова украинским языком?* Слова *язык* и *мова* явно противопоставлены друг другу и функционируют не как лексические соответствия. Сравни еще следующие высказывания из книги московского корреспондента газеты «Коммерсантъ» А. Колесникова «Первый Украинский» (репортаж событий с сентября 2004 года по январь 2005, место действия – киевский стадион, коммуниканты – украинские и русские футбольные болельщики): *«Зато вас сколько лет заставляли русский язык учить? А нам на вашу мову всегда плевать было»*. Подобные контексты свидетельствуют о невозможности замены украинских слов русскими соответствиями, так как украинским словом репрезентированы определенные отношения между коммуникантами, а именно нарушение ими максимы сотрудничества. Прагматика украинских вкраплений в русскую речь ограничивается только

аксиологической функцией. Украинские слова в русской речи эксплицируют иллокутивные намерения говорящего, связанные со стремлением его выразить негативную оценку. И если в режиме диалога формой такого речевого представления является конфликт, ссора, то и вне диалога *мова* и *язык* конфликтно противопоставлены друг другу. Эти слова нужны для того, чтобы подчеркнуть противопоставление, оскорбить, позиционировать коммуникантов по линии свой/чужой. Именно поэтому украинские слова не заимствуются, а воспроизводятся в русских контекстах, сохраняя во многом свои орфоэпические черты: например, *помаранчевый*, *незалежність*. Интересно отметить, что в русском языковом сознании подобные лексемы могут приобретать совершенно другую внутреннюю форму. Сравни, например: «*Да знаю я вашу незалежність! Ни нефти, ни газа, ни золота – никаких залежей. Полная незалежність*» // А. Колесников.

Слова типа *помаранчевый*, не выражающие аксиологического значения, нужны в русском коммуникативном пространстве, чтобы маркировать определенную прецедентную ситуацию, как отсылка либо к месту события в Украине, либо к известной политической силе: «*Черновецкий до сих пор считался помаранчевым мэром*» // Корреспондент, 2006, № 15, с. 32.

Функционируя в разных этнолингвокультурных пространствах, слово *мова* входит в разные ассоциативные ряды. У представителей украинской этнолингвокультуры *мова* входит в ассоциативный ряд *солов'їна, наша, рідна, материнська, співуча, скарбниця народу, ніжна* и т.д. В русском языковом пространстве у лексемы *мова* совершенно другие ассоциативные реакции, хорошо выраженные В. Маяковским в стихотворении «Долг Украине»: «*А что мы знаем о лице Украины? Знаний груз у русского тощ – тем, кто рядом, почета мало. Знают все украинский борщ, знают все украинское сало. И с культуры снимали пенку: кроме двух прославлениях Тарасов – Бульбы и известного Шевченка, – ничего не выразишь, сколько ни старайся. А если прижмут – зардеется розой и выдвинет аргумент новый: возьмет и расскажет пару курьезов – анекдотов украинской мовы*». В русском языковом сознании слово *мова* имеет ассоциативный ряд *анекдот, курьез, мужичья, недоразумение, ненавижу, диалект*. Но если раньше не акцентировалась противопоставленность слов *мова* и *язык*, то известные политические события спровоциро-

вали подчеркнутую конфликтность этих лексем, негативные аксиологические коннотации слова *мова* и позитивные у слова *язык*. Сравни желание В. Маяковского поднять оценку рассматриваемой лексемы, сблизить с ассоциативным рядом слова *язык*. На фоне имеющегося в русском языковом сознании *великий и могучий русский язык*: «*Разучите эту мову на знаменах – лексиконах алых – эта мова величава и проста*».

Наблюдая современный компьютерный дискурс, следует отметить, что он дает пищу и для других выводов. Там, где снимается оппозиция свой/чужой слова *язык* и *мова* начинают функционировать по-другому. См., например, отчет о четвертом Международном Биеннале поэтов, проходившем в Москве: «*И самыми благодарными ее [украинской украиноязычной поэтессы – Т.С.] слушателями оказались как раз русскоязычные авторы из Украины: добрая половина из них с завистью отмечала в частных беседах ее богатый и точный язык. А это может означать только одно: все они втайне примеривают для себя мову*». Здесь нет аксиологической оппозиции *язык/мова*, слово *язык* обозначает *русский язык*, слово *мова* – *украинский язык*. См. еще: «*В последние полгода он написал целый цикл стихов на мове. Ему вдруг показалось, что мова для Поля более органична, чем русский язык*». Подобные контексты уже свидетельствуют о паритетности лексем *мова* и *язык*. Это возможно только в высококультурной среде, в которой языковая личность обладает определенными дополнительными социальными характеристиками – интеллигент, знаток языка, поэт и т.п., выходящими за рамки «представитель русской этнокультуры».

Совершенно особое место среди украинских вкраплений в русское коммуникативное пространство занимает слово *Майдан*, которое употребляется в разных значениях: 1) «*Оранжевым нужно было год отработать на Майдан, а потом уже – на себя*» // Корреспондент, 2006, № 30, с. 19; 2) «*Благодаря Майдану (причем не только в Киеве, но и во Львове, в Донецке, Харькове) сегодня избирают мейнстримов, а не «небожителей»*» // Без цензуры, 2006, № 31, с. 8; 3) «*Может ли служить утешением для оранжевых избирателей воспоминание о том, что в их жизни был Майдан?*» // Зеркало недели, 2006, № 23, с. 2.; 4) «*По словам Тигипко, Майдан показывает, что Украина становится более демократичной и свободной*» // Даниил Яневский, Хроника «Оранжевой» революции. – Харьков, 2005,

с. 165; 5) «Вы уникальные герои! – говорил он майдану» // Андрей Колесников. Первый Украинский. Записки с передовой. – К., 2005, с. 367; 6) «На майдане собралось огромное количество граждан своей страны» // там же, с. 14. В последнем случае (6) слово *майдан* употреблено как локатив, место действия. В этом значении оно зафиксировано в словаре Л.П. Крысина [4:453]: *майдан* – ровное, свободное место, а также базарная площадь, ср. в широко известной песне Никитиных: «Переведи меня через майдан, через родное торжище людское», где *майдан* не просто площадь, а большое скопление людей, а также место, где собираются, выступают: «мой сын поет сегодня на майдане». Аналогично: «На майданах Киева, Львова, Харькова и Донецка прошли многолюдные митинги» // Комсомольская правда на Украине, 2006, № 13.

В (1–5) *Майдан* – культурный концепт, т.е. «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [6:40]. Культурный концепт, по определению В.И. Карасика, это «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [2:109]. Причем *майдан* стал культурным концептом украинского языкового сознания после известных политических событий в Украине 2004/2005 гг., а в русском языковом сознании *майдан* – заимствованный культурный концепт. *Майдан* – это не просто скопление людей, публично отстаивающих свои политические взгляды, это не просто восставший на площади народ, это в первую очередь нравственная позиция, реализованная в поведении.

Заимствованные концепты рассматриваются лингвистами (см. работы И.В. Приваловой, В.И. Карасика) как факты глобализа-

ции национальных когнитивных пространств. Концепт *Майдан* в русском языковом сознании, по моему мнению, занимает особое место и нуждается еще в специальном исследовании. Во-первых, следует различать русскоязычное пространство Украины и России, так как русский язык вне России имеет свою специфику. Возможно, концепт *Майдан* активизирован в русских контекстах только в Украине или в контекстах, предназначенных для русскоязычного читателя в Украине (см., например, цитируемую книгу московского корреспондента газеты «Коммерсантъ» А. Колесникова, вышедшую в Киеве и адресованную прежде всего русскому читателю в Украине. Кстати, интересно попутно заметить, что во всех приведенных мной выше контекстах, кроме контекстов россиянина А. Колесникова, концепт *Майдан* пишется с большой буквы, что подчеркивает его ценностную значимость для граждан Украины). Необходимо исследовать его ассоциативный ряд с тем, чтобы иметь возможность объективно оценить место этого концепта в русском этнокультурном пространстве. Во-вторых, этот концепт функционирует в политическом дискурсе, который, как известно, отражает состояние того или иного социума, определенные общественные обстоятельства, в которых осуществляется коммуникативная деятельность, и характеристики адресантов и адресатов речи [2:226], а они в разных странах даже в пределах функционирования одного языка разные. Кроме того, восприятие одних и тех же речевых единиц тесно связано с менталитетом народа, который, как известно еще со времен Гумбольдта [1], формируется под влиянием многих факторов, в том числе среды обитания, другого лингвистического окружения и пр.

Литература

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений за языковой практикой масс-медиа. – М., 1994.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2007.
5. Привалова И.В. Инте-
- культура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – М., 2005.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
7. Толковый словарь русского языка начала XX века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Склиаревской. – М., 2006.

АНОТАЦІЯ

В статті розглядаються прагматичні функції українських слів в російськомовному політичному дискурсі.

SUMMARY

The article is dedicated to the aspect of Ukrainian words pragmatics in Russian political discourse.